

Воспоминания военных лет

Моя бабушка, Кузина Надежда Кузьминична, родилась 28 октября 1938 года на Донбассе в семье шахтеров. Отец часто болел, поэтому семья перебралась к родственникам в город Алексин Тульской области. Здесь и жили до 1941 года.

Когда началась война, Надежде Кузьминичне было всего три года, она плохо помнит события тех дней, да и в семье эта тема не поднималась. В конце 1941 года в семье родился третий ребенок Иван. Родители очень переживали за старшую дочь, которая была очень красива, и боялись, ее отправки в Германию. Большая часть жителей поселка, в том числе и отец со старшей дочерью, ушли в лес партизанами. Дома осталась мать с маленькими детьми.

Осенью 1941 года Надежда Кузьминична вместе с мамой и младшим братишкой были захвачены в плен немцами. Они попали в лагерь военнопленных Дулаг № 130, который действовал в городе Рославль. Лагерь являлся накопительным (пересыльным).

Рославльский лагерь военнопленных Дулаг № 130 был создан в августе 1941г. на юго-западной окраине города. До войны здесь располагалась Школа младших командиров пограничных войск НКВД. Для школы было построено два больших двухэтажных здания из серого кирпича. Вокруг кирпичных зданий стояли деревянные постройки, где находились различные склады: вещевые, продовольственные, оружейные. Два сарая были особенно велики, примерно по 35 м длиной и шириной до 25 м.

Всю территорию бывшей школы вместе с постройками немцы отвели под концентрационный лагерь для военнопленных. Кроме того, сюда же они включили и несколько жилых домов, расположенных около шоссе на окраине города. Территория лагеря (около 800 - 900 м в длину и 600 - 700 м в ширину) была обнесена двумя рядами изгороди из колючей проволоки. Внутреннее управление передавалось лагерной полиции. Начальником лагерной полиции являлся П.П. Макаров. В полиции состояло до 150 - 250 человек. Кухонная полиция насчитывала 20 - 30 человек и лазаретная - 15 - 20 человек. В каждом лагерном здании размещалось по 1800-2000 человек. В сентябре 1941 г. в лагере насчитывалось примерно 15000 чел. В период наступления Красной Армии под Москвой, ликвидируя прифронтовые лагеря, военнопленных перегоняли пешим порядком в Рославль, Смоленск, Прудки. Так в Рославле появились пленные из Орла, Калуги, Вязьмы, Юхнова и других мест. К концу декабря 1941 г. количество военнопленных достигло 100 000 человек.

Немцы разработали дьявольский план: составили и в массовом масштабе применяли продуманную систему мероприятий, направленную на истребление всех пленных. Одно из первых мест в этой системе принадлежало костлявой руке голода. Голод начинается с первого часа, с первой минуты плена. Немцы не брезговали ничем.

Кормили в лагере ужасно, людей морили голодом. Пленники питались попадавшимися по дороге капустными листьями, корнями, ржаными колосьями с неубранных придорожных полей. Воду пили из дорожных луж. Останавливаться у колодцев или просить напиться у местных жителей строго воспрещалось. В самом лагере два раза в день выдавали по пол-литра баланды (одна - две ложки ржаной муки с отрубями, размешанными в литре воды) и один раз в четыре - пять дней по 150 - 200 граммов хлеба на человека.

Раздача пищи была организована тоже издевательским образом. Сам процесс пищи продолжался в среднем четыре часа. Следовательно, в день надо было затратить 10 - 11 часов для получения одной - двух ложек муки и в среднем 4 граммов хлеба. Все эти 11 часов приходилось стоять (сидеть было запрещено) под открытым небом в любую погоду, осенью в грязи, зимой в снегу. Подобный рацион при описанной системе раздачи рассчитан был на то, чтобы ускорить умирание организма.

Как вспоминает Надежда Кузьминична, узники находились в невыносимых условиях: "В самом лагере в Рославле было несколько барачков. Большинство из них

полуземляночного типа, с земляными полами, расположенными ниже уровня земли. Надземные и подземные воды заливали эти бараки, и в октябре 1941 года полы в них представляли собой грязное месиво, в котором ноги вязли по щиколотки. Никаких нар, досок или соломы не было, и пленные вынуждены были ложиться прямо в грязь. Зимой пол представлял собой ледяную поверхность, покрытую навеванным и нанесенным ногами снегом. Ветер свободно гулял по этим баракам, так как крыши располагались на столбах и не доходили до земли. Два барака с каменными полами брались с боем. Каждый день там было несколько задавленных. Людей набивалось туда, как сельдей в бочке. Живая стена пленных качалась из стороны в сторону. Ослабевшие сердца многих товарищей не выдерживали. «Спрессованные» безжизненные трупы качались, как живые, а утром падали на пол, не поддерживаемые более телами пока еще живых пленников. Ни один из барачников не отапливался. Костры разводить запрещалось, да и не из чего было.

Осенью все пленные без исключения были до нитки мокрые. Просушиться было негде. Ветер пронизывал до костей. Зимой люди замерзали десятками ежедневно. Это была мучительная казнь пленных, растянутая во времени. Не представляло никаких трудностей утеплить и отопить бараки. Местные жители готовы были привезти дрова. Фашистские изверги не делали этого сознательно.

Медицинского обслуживания не было, медикаменты и перевязочный материал отсутствовали. На палату с 160 ранеными давали два бинта в день. Перевязки не делались месяцами. Когда снимали повязку, раны оказывались наполненными червями, которых выбирали пригоршнями. Отмороженные конечности представляли собой черные обрубки, мясо и кости отваливались черными кусками. Запекшиеся губы трескались, от жажды распухали языки.

Йода для оперируемых не было, его заменяли глизолом. Раненые гнили заживо и умирали в страшных мучениях. Многие умоляли, чтобы их пристрелили и тем самым избавили от страданий. Запах гниющего мяса, трупный смрад неубранных мертвецов наполняли палаты. Раненых не мыли, белье не стирали и не меняли, дезинфекцию не производили.

Смертность в лагере от голода, холода, болезней и расстрелов достигала 3-4 процентов в день. Это значит, что за месяц весь состав пленных вымирал. За два с половиной осенних месяца - октябрь, ноябрь и часть декабря - вместе с гражданскими пленными, составлявшими большинство, в лагере умерло 8500 человек, то есть больше 100 человек в среднем в день. В зимние месяцы ежедневно умирало от 400 до 600 человек. Ежедневно 30 - 40 длинных дрог грузилось трупами умерших и замерзших. В штабелях трупов, складывавшихся, как дрова, возле барачников, были и живые. Часто в этих штабелях двигались руки, ноги, открывались глаза, шептали губы: "Я еще жив". Умиравших хоронили вместе с мертвыми.

Выжили они, как считает бабушка Надежда Кузьминична, только благодаря маме. Мама умела валять валенки и прятала детей в войлоке, чтобы не замерзли. Местные жители помогли ей с детьми бежать. Надежда Кузьминична помнит лес, по которому долго шли. Останавливались в деревнях, просили еды. Страх перед лесом остался до сих пор. Так шли 5 месяцев и добрались до своего дома. Дальше был голод, страх бомбежек...

Когда закончилась война, семью нашла старшая сестра, отец пропал без вести. Бабушка Надежда Кузьминична много болела и в школу пошла в 8 лет, училась не очень хорошо. В 1953г. она поступила в Серпуховский текстильный техникум. По окончании осталась работать в Серпухове, создала свою семью и воспитала двух замечательных детей. Всю свою жизнь вела активный образ жизни, бабушка и сейчас встречается с молодежью, рассказывает о страшной войне.

В своей работе я рассказал о малолетней узнице фашистских концлагерей, о замечательном человеке, своей бабушке Кузиной Надежде Кузьминичне. Самое удивительное в этой женщине то, что, несмотря на все пережитое, глаза ее светятся

добротой, излучают тепло. Не убила война в ней душевной щедрости и красоты. Наверное, в этом и кроется одна из причин Великой Победы – в умении оставаться человеком при любых обстоятельствах. Я уверен, что мои сверстники, ознакомившись с материалами работы, заинтересуются этой темой и продолжат собирать материал о земляках, чья жизнь пришлась на тяжелые военные годы.

В одной из прочитанных книг мне встретились слова: «Нет ничего страшнее того, что люди делали с людьми». То, что я узнал об этой странице войны, не может оставить равнодушным нормального человека. Это страшно. Это ад, который сотворили люди, считающие себя цивилизованными. Мы должны помнить о концлагерях, чтобы такое не повторилось!